

Керимов Руслан Джаванширович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ФРГ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается лингвистическая проблематика политического языка как особой социально и культурно маркированной подсистемы национальной лингвокультуры (на примере современной Германии), описываются понятия "политический язык", "политический дискурс", "политическая коммуникация" и трактуются их общие и специфические признаки; учитывается их функция в повседневном статусно-ориентированном общении в обществе и государстве. На примере изучения системы языковых средств (в том числе политической метафоры) моделируется структура социально-политической коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 85-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.112.2'243

Филологические науки

В статье рассматривается лингвистическая проблематика политического языка как особой социально и культурно маркированной подсистемы национальной лингвокультуры (на примере современной Германии), описываются понятия «политический язык», «политический дискурс», «политическая коммуникация» и трактуются их общие и специфические признаки; учитывается их функция в повседневном статусно-ориентированном общении в обществе и государстве. На примере изучения системы языковых средств (в том числе политической метафорике) моделируется структура социально-политической коммуникации.

Ключевые слова и фразы: социально-политическая коммуникация; политический дискурс; политический текст; политический нарратив; политическая лингвистика; языковая картина мира.

Керимов Руслан Джаванширович, к. филол. н, доцент
Кемеровский государственный университет
kerimovrus@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ФРГ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ[©]

В современном языкознании активно развиваются исследования разных аспектов политического текста и языка политики, что позволяет говорить о выделении новой дисциплины (науки) на стыке языковедения, политологии, социологии и лингвокультурологии – политической лингвистики [5; 24; 25].

Главная задача политической лингвистики состоит в исследовании различных взаимоотношений «между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [22, с. 13], а также, как представляется, в лингвистическом изучении речевых и коммуникативных форм выражения идеологической составляющей вербальной плоскости социально-обусловленной деятельности человека.

Базовыми понятиями в политлингвистических изысканиях выступают: «политический язык», «политический дискурс», «политический нарратив» и «политическая коммуникация», которые, хотя и очень близки друг другу, но разделяются как в теоретических работах, так и при практическом изучении языкового материала политических текстов при различении функциональных, формальных, содержательных и прагматических аспектов политического языка.

По мнению А. Н. Баранова, политический язык – это «особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в которой каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [1, с. 108].

Схожая точка зрения присутствует в монографии Е. И. Шейгал, она понимает язык политики как «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса», куда включаются «специализированные знаки – как вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), так и невербальные (политические символы и пр.), а также неспециализированные знаки, изначально номинативно не ориентированные на данную сферу общения, однако, вследствие устойчивого функционирования в ней, приобретающие содержательную специфику» [27, с. 20-21]. Как считает Е. И. Шейгал, основной «особенностью языка политики как специального подъязыка является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества...», что, в свою очередь, даже «позволяет некоторым исследователям отрицать существование языка политики» [Там же, с. 21], хотя подобная критическая точка зрения встречается редко.

Подвергает сомнению существование политического языка П. Б. Паршин: «То, что обычно имеется в виду под языком политики, в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д.» [Цит. по: 16, с. 67]. В добавление к этому отечественный исследователь предлагает «считать преждевременным и, более того, неправомерным широко распространенное обобщающее утверждение относительно структурных свойств «политического языка» вообще. На практике объектом исследования являются конкретные идиополитические дискурсы – способы говорения, характерные для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действия» [19].

Вопрос о выделении особого языка политики может быть рассмотрен в рамках языкознания с двух позиций: социолингвистической и функционально-коммуникативной. Согласно первой точке зрения, язык, несомненно, выступает надклассовым конструктом, общенародным и общекультурным достоянием. Нельзя выделить язык богатых и бедных, властной элиты и широких слоев населения (о чем говорил, в частности, И. В. Сталин в своем интервью газете «Правда» в 1950 г.). Язык политики не может быть выделен как, например, жаргон или арг. Не существует также профессионального языка политических деятелей (в сравнении с языком преступных элементов, профессионального жаргона людей многообразных технических профессий). Политический язык также не подпадает под стилистическую дифференциацию так называемого

языка высшего общества (характеризующегося определенными лексическими, грамматическими и лингвостилистическими особенностями) и языка низших слоев населения и деклассированных элементов. Литературный язык един для всех членов общества и представителей всех сословий.

Политический язык получает свой особый статус благодаря своей сфере распространения, которая охватывает всю социальную составляющую жизни общества и государства, куда относятся и примыкают: «живая» официальная публичная речь (политический дискурс), публицистика и язык СМИ, особая система дипломатического языка, официально-деловой стиль (на периферии) со своими устойчивыми речевыми шаблонами, канцеляризмами, оборотами и т.п., а также вся совокупность текстов, имеющих социальную детерминацию. Язык политики затрагивает и собственно узуальный пласт социально-маркированной лексики, откуда он черпает свои специфичные и общепринятые понятия, без которых невозможно осуществлять социальную коммуникацию. Такой подход оправдан, помимо прочего, еще и тем, что аналогично выделяют, например, такие коммуникативно-функциональные сферы, как педагогический дискурс, юридический дискурс (в самом широком смысле он может быть причислен к политическому языку), язык религии, медицинский дискурс, язык культуры и искусств, финансовая сфера, производственная сфера, язык науки и техники (см. также: [22, с. 43]).

Основные функции политического языка – вербальное сопровождение борьбы за власть и удержание власти в процессе ее осуществления [31]. Язык политики отражает некоторую социальную реальность, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении [22; 28].

Постоянный интерес к исследованию политической речи обусловлен также тем, что в настоящее время возможно провести изучение и сравнение текстов разных политических режимов, например, бывших социалистических стран (СССР и ГДР) и их западных геополитических оппонентов (ФРГ и др.).

Эти возможности открылись в первую очередь перед языковедами государств бывшего социалистического лагеря – России, Словакии, Польши, восточных земель современной единой Германии (экс-ГДР) – ввиду того, что исчезли всякого рода ограничения в этой области языкознания. И если в Западной Германии (экс-ФРГ) периодически выходили работы по проблемам политической риторики в странах западной цивилизации (США, ФРГ и др.) и в социалистическом блоке (прежде всего – в ГДР) (см., например: [30; 41]), то в Восточной Европе подобные исследования стали возможны только с начала 90-х гг. XX в. [2; 3; 4; 11; 13; 17; 24; 26]. В целом подобные изыскания сформировались в политической лингвистике в рамках нескольких течений.

Исторический блок представлен теми публикациями, которые описывают определенные этапы истории Германии: язык «Веймарской» республики (1918-1933 гг.), Третьего рейха (1933-1945 гг.), ГДР и ФРГ (1949-1990 гг.). Так, в Западной Германии раньше выпускались даже специальные научные сборники, посвященные аспектам политического языка в различные периоды истории немецких государств: в годы национал-социализма (см.: [36; 40; 42]), в странах социалистического «лагеря» [38; 45] и др. К сожалению, иногда анализ языка политики социалистических стран (прежде всего – ГДР) «западными» учеными осуществлялся параллельно с критикой и идеологическим «разоблачением» политических режимов и правительств государств Восточного блока, а для современных прозападных ученых это стало почти нормой.

К этому же течению следует отнести также языковой анализ идиостилей наиболее известных немецких политиков прошлого: первого рейхсканцлера Германской империи (1871-1918 гг.) О. фон Бисмарка, одного из лидеров рабочего движения Германии начала XX в. Р. Люксембург, фашистского диктатора А. Гитлера, первого федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра и др. (см.: [29; 46]), крупных мировых лидеров, как, например, вождя мирового пролетариата, первого руководителя Советской России В. И. Ленина [33].

В свою очередь, современное направление в политической лингвистике концентрирует свое внимание на актуальном состоянии немецкого социального языка, что реализуется в нескольких аспектах: языковые характеристики политических партий, движений, социальных групп [32; 37], в том числе и радикально-экстремистских [35], употребление языка официальными лицами государственной власти (парламент, правительство) [39; 43; 44], анализ формо- и смыслообразующих элементов текстов публичных выступлений и т.д.

К числу многоаспектных исследований немецкого политического языка следует причислить работы, в которых одновременно анализируются разные уровни политических текстов: фонетический, лексический, синтаксический, стилистический (см., например, монографию: [31]).

Общетеоретический характер имеет труд российского языковеда Е. И. Шейгал [27]. В этой книге дано определение основных понятий политической лингвистики, представлена комплексная характеристика политического языка и политического дискурса, рассмотрены вопросы категоризации мира политики в языковых знаках и интенциональные характеристики политических текстов, проанализирован ряд политических жанров. В конечном счете, автор приходит к выводу, что для политического дискурса типичными свойствами являются «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным» [Там же, с. 44].

Характерными признаками языка политики, по мнению исследователя, выступают: смысловая неопределенность (политики очень часто высказывают свое мнение обобщенно), фантомность (многие знаки политического языка не несут в себе реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность.

Еще одним центральным понятием политической лингвистики предстает «политический дискурс». Дискурс в современном языкознании понимается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7, с. 8].

По мнению Е. И. Шейгал, «институциональный дискурс оказывается предельно широким понятием, охватывающим как языковую систему (ту ее часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст» [27, с. 16].

Под влиянием идей когнитивистики языковед О. Л. Михалёва предлагает «понимать дискурс как вербализацию определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конституируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира», а также «способ упорядочения действительности» [18, с. 26].

Таким образом, политический дискурс можно трактовать как некоторую совокупность всех политических текстов и речей в общественно-социальном и культурно-историческом контексте их появления и существования (см.: [14]), но при этом следует учитывать, что политдискурс – явление коммуникативное, поэтому данное понятие часто выступает синонимом понятиям «политический текст» и «политическая речь». Изучение идиостилей политиков и политических текстов по умолчанию сопряжено с рассмотрением политического дискурса в его динамике, его развертывании в определенных социальных и политических условиях, с учетом фактора адресата данного текстового документа.

Политический дискурс репрезентирует, как и любая языковая подсистема (и весь язык в целом), не реальное (объективное) положение вещей в мире и в социосфере, а «видение» этой системы политической элитой, то есть, как правило, в преломленном виде и, соответственно, как уже неоднократно отмечалось, язык политики предстает как мощное пропагандистское средство, особенно когда он сам начинает создавать социальную реальность в том виде, как это выгодно государству, власти, административной элите. Социальная реальность существует в ее интерпретации политическими субъектами.

Однако в этой системе взаимоотношений следует учесть «человеческий» фактор. Во-первых, в некоторых случаях (но не всегда) гражданин может сам (на основе своего социального статуса, опыта, знаний) сопоставить то, что ему сообщается, и то, как он воспринимает социально-политические условия, как он сам реально живет. С другой стороны, важен фактор времени – период действия какого-либо лозунга ограничен, даже если он растянут на несколько лет / десятилетий (ср. в советской агитации: «построить коммунизм к 1980 г.»; в нацистской пропаганде: «das tausendjährige Reich»).

Если социальная реальность властями сильно искажается, противоречит экономическим показателям и общественному настроению, то рано или поздно политической элите нужно корректировать или менять свои ключевые идеи, в противном случае может измениться само общество и снести данный политический режим (что в конечном случае произошло в СССР, ГДР и других странах социалистического лагеря). Обман политическим режимом рано или поздно всё равно со временем раскрывается, что порождает осуждение данного режима (как в случае с преступлениями нацистов в 1933-1945 гг.) или новый обман для оправдания старого (как в ситуации с якобы обладанием Ираком оружием массового поражения, что послужило формальным поводом для начала войны против этого государства коалицией во главе с США и Великобританией в 2003 году).

К тому же творцами истории и социальных условий являются сами люди, которые, однако, если не имеют доступа к достоверной информации, не могут соотносить свою деятельность с результатами своей деятельности в глобальном масштабе (всего государства, всей экономики), что делает саму социальную реальность несколько эфемерной, виртуальной, а политический дискурс ее как раз для рядовых граждан и эксплицирует устами уполномоченной на то и избранной народом политической власти. Таким образом, уже обыденной стала ситуация, когда в политической борьбе одна и та же социальная реальность, например, властями трактуется как процветание, а оппозицией – как кризис.

В политлингвистических исследованиях при описании и репрезентации конкретных исторических событий используется также и термин «нарратив». По мнению Е. И. Шейгал, политический нарратив «является специфическим способом опредмечивания образа мира политики, существующего в сознании языковой личности»; это некая «совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события», также «помимо собственно событийного аспекта в нем находят отражение основные категории мира политического: субъекты (агенты) политики, политические ценности и диспозиции, политические действия и стратегии» [27, с. 269]. Таким образом, важными признаками политического нарратива будут ситуативная релятивность и временная протяженность, многоплановость и полиадресатность: «Для политического нарратива характерна множественность изложения (множественность повествователей) и протяженность во времени (...), обусловленная, во-первых, тем, что сам жизненный сюжет может быть не завершен и развиваться на глазах у повествователей, и, во-вторых, тем, что сюжет оказывается настолько общественно значим, что его переживание растягивается во времени, стимулируя соответствующую коммуникацию» [Там же, с. 270]. В этой связи разновидностями политического нарратива выступают «такие сложные коммуникативные события, как избирательная кампания, кампания протеста...» [Там же]. Динамика и содержательная насыщенность существенно сближают нарратив и политический дискурс.

Нарративные исследования в политической лингвистике, посвященные выборам и другим социально значимым событиям, получили широкое распространение в XXI веке, но при этом только некоторые работы содержат в своем заглавии сам термин «нарратив» (ср., например, труды: [8; 20]).

В свою очередь, политическая коммуникация трактуется как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [22, с. 13].

Базовая функция политической коммуникации – «борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.)» [23, с. 10].

Общественная коммуникация также всегда институциональна («статусно-ориентирована»), так как общение происходит не между конкретными людьми, а между теми институтами, организациями, которые они представляют [6; 27] при условии публичности и официальном статусе подобных отношений и их ретрансляции (через средства массовой коммуникации) на самые широкие слои населения и мировую общественность.

Все упомянутые выше черты языка политики в полной мере характерны и для современного немецкоязычного политдискурса. При этом дискурс единой Германии унаследовал особенности только западногерманской политической риторики, а политический язык бывшей социалистической ГДР в целостной системе политкоммуникации современной единой Германии (с 1990 г.) не получил никакого развития, перестав существовать вместе с ГДР.

В конце XX – начале XXI в., в связи с кардинальными изменениями геополитической ситуации в Европе и мире, а также с внутригерманскими проблемами, европейское общество стало более политизированным, вследствие чего активизировались и частично трансформировались содержание и формы коммуникативной деятельности. Политический дискурс современной Германии характеризуется агрессивностью, применением конфронтационных стратегий и тактик поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.), случаями подлога и фальсификации данных.

Помимо разных языковых средств, в современных политических речах активно используются также способы образного воздействия: тропы и фигуры. Наглядные и яркие образы быстрее проникают в умы и сердца политических сторонников, оппонентов и электората. Среди частотных образных средств, присутствующих в арсенале любого политика, доминирует метафора. Именно для метафоры (в лингвостилистическом плане) характерны качества и свойства неожиданности, новизны, точной характеристики человека или ситуации.

Метафора является многогранным и полиаспектным феноменом, причем у нее в процессе лингвистического исследования в зависимости от точки зрения актуализируются различные языковые свойства. Так, при когнитивном подходе у метафорической единицы на первый план выходят ее семантические свойства и связи с лингвокультурными символами, а также парадигматические реляции в рамках соответствующих понятийных сфер и синтагматический потенциал.

Для языка политики метафора выступает одним из основополагающих когнитивных механизмов содержательного и композиционного построения. В рамках когнитивного подхода метафора рассматривается как средство объективации знаний и опыта немецких политиков о социально-политической реальности Германии, ЕС и мира в целом. Метафора выражает наиболее актуальные качества и свойства социально-политической реальности, которые представляются актуальными в процессе социально-политической коммуникации.

Практические и теоретические изыскания в области политического языка показали, что при обширном охвате языкового и речевого материалов рамки политического дискурса слишком узки, в связи с чем за его границами остается существенный пласт языкового материала: социально-маркированной лексики, фразеологии и паремиологии, а также конвенциональных метафор и многих общекультурных общественно-социальных символов, которые в полной мере можно отнести к вербальному уровню политической культуры, но которые в данный период не являются в Германии дискурсивно активными ввиду различных интра- и экстралингвистических факторов, таких как, например, семантическая неопределенность или, наоборот, – полисемичность, строгая дистрибутивная детерминированность, ограниченная лексическая валентность, конкуренция синонимов (более частотное употребление одних синонимов по сравнению с другими); неактуальность в данных социальных условиях, невостребованность в языке современной политики и пр. Тогда эмпирическим материалом лингвистического анализа выступает более широкое, социально-ориентированное пространство общественно-политической коммуникации [9; 12; 13; 14], которое будет охватывать все упомянутые важные составляющие элементы языка политики.

Таким образом, при комплексном рассмотрении метафорической системы вербальное пространство политической культуры сегментируется на три элемента, выступающие одновременно и источником (материалом), и сферой использования метафорических образов: узуальный (социально-маркированный словарь), традиционный (конвенциональные лингвокультурные символы) и дискурсивный (политическая речь и публицистика), которые в совокупности составляют, собственно, социально-политическую коммуникацию, где первый компонент «социальный» указывает также на включение в эту область общественно-социальной, профессиональной и экономической деятельности отдельного человека (семьи, группы, класса) как реализации общественных отношений в повседневной частной жизни граждан [10; 13; 15; 21; 34].

Именно подобный ракурс позволяет рассмотреть языковые средства политического языка комплексно и полно, так как именно язык (как система) «питает» речь, а речь основывается на узуальных значениях и развивает их, привлекая и окказиональную креативность. При этом следует отметить, что все три конституента социально-политической коммуникации не замкнуты сами в себе, а находятся в постоянном взаимодействии, участвуя в концептуализации общественно-социальной реальности. Узуальный сегмент, включающий в себя фразеологию и паремиологию, служит языковой основой для общественно-политической коммуникации. Общекультурные символы, попадая в дискурс, сигнализируют о наиболее актуальных темах в данных социальных условиях. Индивидуально-авторские неологизмы при частотном употреблении могут получить широкое развитие

и попадать в узуальный словарь. В контексте «живой» речи узуальные, общекультурные и дискурсивные элементы тесно переплетаются, создавая актуальные общественно-политические образы. При подобном рассмотрении социально-политическая коммуникация предстает как обширный, непрерывный, регулярно актуализирующийся когнитивно-языковой континуум вербального сегмента социальной деятельности человека.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108-118.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / РАН; Ин-т русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
4. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009. 305 с.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. 352 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография. М.: Гнозис, 2002. 334 с.
7. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
8. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2003. 22 с.
9. Керимов Р. Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 155-164.
10. Керимов Р. Д. Метафорическая концептуализация в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере фрейма «родство») // Когнитивная лингвистика: коллективная монография / под ред. А. Г. Бердниковой. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014. С. 89-108.
11. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово: Офсет, 2012. 456 с.
12. Керимов Р. Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 129-141.
13. Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово: Офсет, 2013. 353 с.
14. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157-170.
15. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Социальная реальность ФРГ как «игра»: метафорический аспект // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 149-163.
16. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 67-69.
17. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Уральского ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
18. Михалёва О. Л. Политический дискурс как средство реализации манипулятивного воздействия: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. 320 с.
19. Паршин П. Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2000/?year=2000&vol=22724&id=6342> (дата обращения: 24.11.2014).
20. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.):» автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2002. 22 с.
21. Федянина Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 160 с.
22. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Изд-е 2-е, стереотипное. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005. 258 с.
23. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. 176 с.
24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. Изд-е 4-е. М.: Флинта; Наука, 2012. 254 с.
25. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: общие проблемы, метафора: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. 194 с.
26. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 240 с.
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
28. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München: Oldenbourg, 1979. 186 S.
29. Beck H.-R. Politische Rede als Interaktionsgefüge: Der Fall Hitler. Tübingen: Niemeyer, 2001. X+225 S.
30. Chomsky N. Sprache und Politik / hrsg. von M. Schiffmann. Berlin – Bodenheim bei Mainz: Philo, 1999. 256 S.
31. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Heidelberg: Winter, 1969. 132 S.
32. Hoinle M. Metaphern in der politischen Kommunikation: eine Untersuchung der Weltbilder und Bilderwelten von CDU und SPD. Konstanz: Hartung-Gorre Verlag, 1999. X+229 S.
33. Hubenschmid M. Text und Handlungsrepräsentation: Ein Analysemodell politischer Rede am Beispiel V. I. Lenins. München: Sagner, 1998. IX+244 S.
34. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – N. Y. – Paris – Wien: Lang, 1997. 348 S.
35. Kayatz K. Manipulation in der politischen Rede: Textanalysen der extremen Rechten. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – N. Y. – Paris – Wien: Lang, 1996. 260 S.
36. Klemperer V. LTI: Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam Verlag, 1996. 367 S.

37. **Opp de Hipt M.** Denkbilder in der Politik: Der Staat in der Sprache von CDU und SPD. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. 258 S.
38. **Politische Reden in der DDR:** Eine Kritische Dokumentation / hrsg. von H. Barthel. St. Ingbert: Röhrig, 1998. 224 S.
39. **Pörksen U.** Die politische Zunge: eine kurze Kritik der öffentlichen Rede. Stuttgart: Klett-Cotta, 2002. 198 S.
40. **Rhetorik** / hrsg. von J. Dyck, W. Jens, G. Ueding. Tübingen: Niemeyer, 1997. Bd. 16. Rhetorik und Nationalsozialismus. X+110 S.
41. **Sarcinelli U.** Symbolische Politik: zur Bedeutung symbolischen Handels in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. V+301 S.
42. **Sauer Ch.** Sprachpolitik und NS-Herrschaft: zur Sprachanalyse des Nationalsozialismus als Besatzungsmacht in den Niederlanden 1940-1945 // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51. Hef 1. S. 80-99.
43. **Simmler F.** Die politische Rede im Deutschen Bundestag. Göppingen: Kümmerle, 1978. XV+633 S.
44. **Sprache des Parlaments und Semiotik der Demokratie:** Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne / hrsg. von A. Dörner, L. Vogt. Berlin – N. Y.: de Gruyter, 1995. VI+400 S.
45. **Wolf B.** Sprache in der DDR: Ein Wörterbuch. Berlin – N. Y.: de Gruyter, 2000. XII+260 S.
46. **Zimmermann H. D.** Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. 3. Aufl. Stuttgart – Berlin – Köln – Mainz: Kohlhammer, 1975. IV+237 S.

SOCIAL-POLITICAL COMMUNICATION OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN LINGUISTIC ASPECT

Kerimov Ruslan Dzhavanshiroich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kemerovo State University
kerimovrus@mail.ru

The article considers the linguistic problematics of a political language as a special social and cultural subsystem of the national linguistic culture (by the example of present-day Germany), describes the notions “political language”, “political discourse”, “political communication”, interprets their general and specific features, and takes into account their function in daily status-oriented communication in the society and state. The structure of social and political communication is modeled by the example of studying the linguistic means (including political metaphors).

Key words and phrases: social and political communication; political discourse; political text; political narrative; political linguistics; language worldview.

УДК 81'373.45

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятий лингвистическое калькирование, полукалька, их восприятие в современной науке, в частности рассматриваются разновидности ингушских лингвистических терминов-полукалек. Помимо этого выявляются их отличия от полных калек, присутствующих в языке. Основное внимание автор уделяет подробному анализу различных структурных моделей терминов-полукалек, используемых в ингушском языке. Также в статье рассматриваются их словообразовательные особенности.

Ключевые слова и фразы: полукалька; термин-полукалька; термин-компонент; иноязычное слово; структурная модель.

Киева Зуфира Хаджибикаровна, к. филол. н.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева
kadja.ol@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-ПОЛУКАЛЬКИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

В современной лингвистике явление калькирования представляет собой большой интерес в общей проблеме взаимодействия языков и развития их лексического состава. В лингвистической литературе в отношении полукалек имеются две различные точки зрения. Одни исследователи к полукалькам относят сложные слова, один компонент которых остается не переведенным [2, с. 127]. Другие исследователи считают полукальками такие слова, у которых заимствованным является корневая часть или основа; аффиксальная часть таких слов переводится соответствующими морфемами родного языка [1, с. 98].

Отмечая склонность полукалек к простому словообразовательному переформлению по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка, Н. М. Шанский дает им следующее определение: «Полукальки – это слова, состоящие частью из своего собственного «материала», а частью из «материала» иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре также точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [9, с. 108-109]. В ЛЭС полукальке дается следующее определение: «Полукалька – разновидность словообразовательной кальки, когда переводится только часть слова <...> О полукальках можно говорить и в случае сложных терминов-словосочетаний, но только тогда, когда они представляют собой фразеологизмы и дословный перевод одного из компонентов сочетания по существу не связан с общим смыслом термина» [6, с. 211].